

Светлана Александровна Никифорова

Университет им. Масарика

Древнерусские композиты-термины христианства: взаимообусловленность семантики и структуры

Ключевые слова: Древнерусский язык, христианская терминология, композит, семантика, жанр

Key words: Old Russian, the Christian terminology, composite, semantics, genre

Summary

This article analyzes the semantics of composites in Old Russian, their genesis, and also how the structure of a compound word influences its semantics. The author notices that composites are typical for certain genres of Old Russian literature that also can be caused by their special structure and semantics.

На ранних этапах распространения христианского вероучения в славянской культурной среде ведущую роль играла переводная письменность. Славянская переводческая традиция формируется как результат поиска оптимальных (как в семантическом, так и в грамматическом плане) языковых средств, позволяющих отразить важнейшие понятия христианства, эксплицировать понятийные связи фрагментов новой картины мира. Одним из таких показательных, содержательно и структурно ярких средств становятся, безусловно, композиты.

Большая часть этих образований кальки греческих сложных терминов, в греческой языковой системе уже в полной мере структурно и семантически определенных. Перед славянским переводчиком стоит, таким образом, сложнейшая задача – создать прагматически полноценный славянский термин, отвечающий, с одной стороны, требованию точности, с другой – критерию доступности,

потому что богослужебный текст на ранней стадии формирования религиозного знания в древности репрезентирует для неопита – «пассивного потребителя» (versus «элитарный круг носителей языка» термины В.С. Ефимовой) – новую картину мира, а значит, призван быть прочитанным и понятым.

О переводе древнерусских богослужебных текстов написано сегодня немало, прекрасно проанализированы переводческие техники и принципы, поэтому сам механизм калькирования не является здесь предметом рассмотрения: мы попытаемся представить, как метафизический подход к сложным словам, различные методы их анализа позволяют интерпретировать семантику и прагматику композита в древнерусском тексте.

1. В структуре композита фиксируются смысловые связи, которые могут быть определены как константные в силу безусловно большей спаянности элементов сложного слова, нежели словосочетания. Композит суть суждение – (в древнерусском тексте чаще всего суждение о Боге), здесь – суждение терминологического характера, а значит, понятийно / концептуально значимое, цельное и воспроизводимое.

Это предположение дает возможность интерпретировать семантические связи лексических единиц на этапе формирования специального языка христианства: анализ результатов транспозиции и ментализации при переводе позволяет увидеть, как взаимодействуют смыслы, каким образом номинируется каждый фрагмент новой реальности.

1.1. Так, понятийное (концептуальное – при понимании концепта как суммы смыслов) поле «Бог» может быть определено на материале множества композитов с начальным бого в тексте Путятиной минеи XI в. (РНБ, Соф. 202) [Новгородская..., 2003], одном из самых ранних недатированных памятников письменности Древней Руси (далее – ПМ): богом Удрь¹ (богом Удрьнь), богоразоумьнь, богодьхновень, богодоушьнь, богоглась, богословиЕ, богоблаженыи, богоблагодьтъньи, боговьзлюбленыи, богооубицца, богочьстивь, боговидьць, богогромьнь, боговьтиЕ, боготочнь, богообразьнь, богольпнь, богоотьчьскыи, богодарьнь, богоносьць, богонаказаньныи, богоприАтьнь, богосиянь, богогласьнь, богоглагольнь, богоповЬстьникь, богорадовань, богозарьнь.

Мы видим, что представление о Боге в языковом сознании православного славянина связано с понятиями о

– мудрости и разуме, духе и душе, благодати и благочестии, любви и пользе, сопряженной с уместной, надлежащей красотой, отеческой любовью и наказанием, с дарованием и радостью;

– о Боге можно повествовать (глаголати, словити), но само слово дано им, его можно носить в душе и видеть внутренним оком, но и он видит своих чад, можно быть подобным Богу и блажить (восхвалять) его, но подобие воздается только избранным и блажат святого за верное служение Богу, Богом святой принят, потому что приемлет Бога;

¹ Заглавные буквы У, Ъ, А обозначают соответственно Ж, Ъ, А.

– глас Бога всеми слышим (подобен грому), но и святому голос дарован для восхваления Бога, Бог есть свет (есть заря и сияние), Бог, наконец, бесконечен (источаем).

1.2. Как мы уже отметили, сопряженность основ, эксплицирующих понятийные единицы, в пределах композита позволяет говорить о возможной сопряженности фрагментов картины мира. При этом процедура анализа может быть направлена как на первый, так и на второй элемент. Например,

– мудрость и разум и представление о мудром и разумном соотнесены с представлением о Боге как единственном источнике мудрости, разума (ср. «Мудрость свойство мудрого; премудрость, соединение истины и блага, высшая правда, слияние любви и истины, высшего состояния умственного и нравственного совершенства» [Даль 1994], «Слово софия – греческое; по собственному, узкому значению – „мудрость, или премудрость”. Но в русской духовной жизни приобрело особое значение, стало термином, означающим „Премудрость Божию”, и срослось с духовно-религиозными исканиями русских философов» [Степанов 2001: 479]);

– сопряженность понятий Бог и благо для верующего человека очевидна (см. композиты богоблажень и богоблагодѣтьень). Одним из собственно лингвистических доказательств этого тезиса может быть частотный параллелизм образований с начальными благо и бого в древнерусских текстах и их разнообразные греческие соответствия благобоязьнивыи – богобоязьнивыи, благовѣщаныи – боговѣщаныи, благоглаголивыи – богоглаголивыи, благодавьць – богодавць, благодаровати – богодарьствовати, благодоушьнь – богодоуховьнь, благодѣтельствовати – богодѣтельствовати, благодѣяти – богодѣяти, благожизньЕ – богожизньЕ и тд. [Словарь древнерусского..., 1988]. Большая часть этих соответствий появляется на славянской почве в результате точного калькирования с греческого, однако случаи нарушения эквивалентности единиц греч. ευ / слав. благо и θεο/ бого в переводных древнерусских текстах доказывают правильность нашего тезиса: так, например, ср. благовѣщеньныи / θεοφθόγγους в ЖВИ XIV–XV, благозаконьную / θεσμοθεσία в ГА XIII–XIV, благолѣпнень / θεοπρετη в ГА XIII–XIV, благолюбивую / θεοφιλη в ЖВИ XIV–XV и тд., с одной стороны, и богобоязьнивь / ευλαβης ПНЧ XIV, богогласное / ευφωνία в ФСт XIV, богочьстиЕ / ευσεβειαν в ФСт XIV и тд. – с другой [Словарь древнерусского..., 1988].

1.3. Анализ объема понятий, отраженных в композитных образованиях, может быть проведен и через соотношение греческих и славянских основных компонентов. Сочетаемость и семантика основ в славянском композите могут быть сопоставлены как с семантикой греческого слова в целом, так и с семантикой его компонентов: например, известен параллелизм или пересечение начальных бого и благо славянского слова и соответствующих элементов греческого θεο и ευ, конечных -дух (-дѣх) и -доуш- – и греческих -πνευσι и -ψυχ- – и тд., что позволяет выявить существенные подвижки в содержании религиозного понятия на славянской почве.

Смысловая связь основ бого и благо в древнерусском языке может быть проиллюстрирована примером из Ильиной книги: греч. $\text{H } \delta\acute{\omicron}\zeta\alpha \text{ σου ευπρεπής } \theta\epsilon\omicron\phi\epsilon\upsilon\gamma\acute{\epsilon}\sigma\iota\nu \text{ εκλάμψουσα } \chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$ представлено в славянском тексте как слава твоя красьна. **блгосвѣ**тло свѣтило. сияУщи благодатиУ 141v3–5, однако в другом контексте находим **Бгосвѣ**тла и сшна. и нарочита и ста. и велия же и славьна. и свѣтоносъна наста намъ. клименте памАть твоя. срдце и дшо веселАщи. дѣлжно тя хвалАщихъ. 59v10–14 (греч. $\text{H } \theta\epsilon\omicron\phi\epsilon\upsilon\gamma\acute{\eta}\varsigma \text{ καί ιερά καί ευσημος...}$). Вероятно, выбор книжника в первом из приведенных примеров обусловлен контекстуальным окружением композита и содержанием стихирь: с одной стороны, славянский переводчик в этом списке ограничился одноосновным красьна (греч. ευπρεπής чаще всего соответствует калька благолѣпнѣ), однако «возместил» в пределах контекста смысловую единицу в следующем композите **блгосвѣ**тло (текстовая греч. $\theta\epsilon\omicron\phi\epsilon\upsilon\gamma\acute{\epsilon}\sigma\iota\nu$ форма – слав. калька богосвѣтлыми), структура которого поддержана и следующим сложным **благодать** (системным славянским соответствием одноосновному греч. $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$); с другой стороны – представление о Богородице (анализируется стихира канона на Успение Богородицы) в христианстве, особенно в православии, тесно связано с представлениями о благочестии, благодеяниях, идеале нравственности и непорочности (см., например, [Христианство, 1993: I–269], что соотносимо в первую очередь с понятийной сферой «блага», и именно на этой семе переводчик / переписчик делает акцент.

Еще одним примером могут послужить греческие компоненты $\theta\epsilon\omicron$ - и $\lambda\upsilon\epsilon\omicron\upsilon\mu$ (соответствующие слова толкуются словарем древнегреческого языка соответственно как 'бог' и 'дыхание; дуновение, ветер; дух, жизнь' [Вейсман 1899: 601, 1015]) на славянской почве отражаются в основах бого и дѣх. Соотношение славянских компонентов может быть сведено к минимальным составляющим основам: бог+дух (богодѣхновень, богодоушьнѣ и тд.) с потенциальным семантическим соотношением 'бог + жизнь, дыхание, дух', если учитывать собственно славянские значения основ доуш // доух 'жизнь, духовное начало в человеке' [Словарь древнерусского..., 1990], выбранных в результате калькирования греческих элементов. Однако понятийное поле таких единиц на славянской почве значительно расширяется благодаря обогащению значения основ в границах собственно славянской языковой системы: так, дух – не только 'дух, дуновение, ветер, жизнь', но и 'разум, настроение' [Черных 1993]. Тогда славянское композитное образование, соединяющее основы бого и дух в пределах близкой к синтагме единицы (напомним, что композит – суть суждение), позволяет расширить и славянское понятийное поле «Бог» по сравнению с греческим его наполнением: здесь эксплицировано положение о «Бог», сущностно определяющем не только духовное начало в человеке, но и его разум и эмоциональное состояние.

2. Композит в древности актуален для текстов определенных жанров (например, гимнаграфии) и участвует в формировании представления

неофита о критериях нового типа текста – церковно-книжного именно в силу своей структурной и семантической специфики.

2.1. При характеристике словообразовательных особенностей единиц церковно-книжных текстов авторы неизменно указывают на композиты как неотъемлемую их принадлежность (см. работы Р.М. Цейтлин, соответствующие разделы у А. Вайана, А. Мейе, Б.А. Успенского и др.). Однако следует учитывать показательную количественную неравномерность распределения таких форм в разных жанрах церковно-книжных памятников письменности. Так, в текстах древнейших Евангелий и Миней, самых распространенных на Руси жанров для религиозного чтения, мы можем наблюдать существенную разницу в частотности употребления композитов: так, в Пантелеймоновом Евангелии XI–XIII вв. их 2,2% от числа всех словоформ текста; минейные древнейшие тексты представляют иные данные: В Путятиной Минее (РНБ, Соф. 202) композиты составили 4,51%, в апрельской минее XII в. (РНБ, Соф. 199) – 4,35%, в майской минее XIII в. (РНБ, Соф. 204) – 4,5%. Представляется, что количественное и качественное различие в функционировании слов-композитов в конфессиональных (см. классификацию текстов Н.И. Толстого, где Евангелие отнесено к конфессионально-литургической литературе, а Миней – к конфессионально-гимнографической) текстах объясняется структурой текста определенного жанра, его прагматикой и соотношением в таком тексте плана содержания и плана выражения (в частности, способа выражения) в зависимости от принципов дискурса жанра.

Композит, в отличие от одноосновного образования, эксплицирует мотивирующие компоненты в структуре словоформы, что приводит к репрезентации семантики в основах, некому параллелизму сложного слова со словосочетанием, к рождению единицы, занимающей промежуточное положение между синтетическими и аналитическими образованиями (об этом см., например, [Павлов 1985]).

Именно соединение двух основ в структуре композита и определяет его как слово, равноценное суждению: здесь соотносятся два компонента, свойственные наименованию самостоятельных сущностей действительности; сочетание их в пределах единства позволяет языковому сознанию соотнести денотативные базы, а значит, смоделировать тема-рематические отношения слов (здесь – основ соответствующих слов), т.е. смоделировать «суждение». Такое «суждение» в силу имплицированности самой структуры суждения (*боголюбивый* – любящий Бога, любимый Богом) призвано дать «неопределенно многозначное», многоаспектное (лучше – синкретичное) представление о реалиях мира. В таком случае появление нового композита может быть связано с потребностью создать слово многосмысленное, множественно прочитываемое и потому сакральное. Такое слово в тексте создает «над-смысл», необходимый для верного (заданного идеей) прочтения текста.

Тексты аллюзивного типа – миней – требуют именно такого подхода к семантике составляющих: надтекстовая, требующая толкования, «неопределенно

многозначная» характеристика субъекта минейного текста, где нарратив сведен к минимуму или отсутствует, требует композита как средства выражения характеристики-«суждения».

Не случайно среди композитов крайне мало глаголов или они производны от имен: имя призвано называть и характеризовать предмет, а семантика имени-суждения в свою очередь предполагает или обуславливает сферу деятельности названного именем (имя *богъ* определяет и его сочетаемость – *милосърдыи, человеклоубивыи* и тд., так как это суждения о Боге, а не просто определения для него).

Если минейный текст предполагает характерологический тип представления информации о субъекте, то евангельский дискурс отдает предпочтение событийной стороне. Субъект Евангелия есть исключительно действующий субъект, характеристика которого и создается нарративным дискурсом, а значит, чаще всего с помощью глагола / причастия-предиката. Евангельский текст не характеризуется высокой активностью композитов по сравнению с текстами миней именно потому, что повествование о создании и бытии мира, об Иисусе Христе символично, оно само суть суждения, которые не разложимы на еще более дробные составляющие. Это символы (возможно, гештальты для христианина), узнаваемые и нерационализируемые. Так, например, композиты-наименования лица в Пантелеймоновом Евангелии предельно однозначны, существительные-приложения, прилагательные или полные причастия для их характеристики не используются: *водонось* (*съ нею остави же водонось свои жена 18.3*), *дръводбля* (*не съ ли Есть дръводбля снъ маринъ 74.3*), *зълодби* (*аще не бы былъ съ зълодби не быхомъ прбдали Его тебъ 188.1*), *лицемъръ* (*добръ прорече исаия о вась лицемири 78.4*), *иноплеменьникъ* (*нъ тъкъмо иноплеменьникъ съ 126.3*) и др. Субъект в минее в первую очередь описан через широкий набор характеризующих имен. Так, в Путятиной минее находим единицы, эквивалентные евангельским, но в ином контекстном окружении (число композитов, совпадающих в этих жанрах, крайне мало): *зълодби* (*старыи зълодби змии 22об.*), *иноплеменьникъ* (*възвыси рогъ въръныхъ низълужи шАтания иноплеменьникъ 49об.*), *свАщеньномУченьникъ* (*сщеномнци прбблажении 80*), *чюдотворьць* (*блгословлЕная въ истинуо вещь Есть паъ твоя чюдотворьче оче сумеоне 97*; *прмдръ бы из млада въздраста оче чюдотворьче прбне истиньнааго разоума дхнааго 97об.*) и др.

2.2. Словообразовательная, а потому и прагматическая значимость композита в древнерусском тексте чрезвычайно велика: эти образования, стилистически и даже жанрово приуроченные, во-первых, маркируют (в первую очередь структурно, а затем – содержательно) в религиозном тексте концептуально важные понятия, во-вторых, формируют представление о критериях и признаках богослужебного текста. На ранних стадиях формирования религиозного знания, писцы, «элитарный круг носителей языка» создают такой тип текста, который должен быть новым и не узнаваемым

в сравнении с известными славянину текстами (деловыми, фольклорными и тп.) профанных жанров.

Если содержательно переводный богослужебный текст соответствует оригиналу априори в силу своей сакральности, то и формально, стилистически он должен отвечать прагматике речевой ситуации – быть достойным отражением текста новой культуры, пришедшей из Византии.

Такой коммуникативной задаче отвечают, например, композиты-гапаксы. Старославянские гапаксы-композиты восходят к древнегреческой словообразовательной традиции, но при этом в ряде случаев не имеют прямых греческих соответствий (по данным [Старославянский..., 1994]). Сама структура композитного образования представляется показательной в социолингвистическом аспекте: двусловные единицы, эксплицирующие отношения смыслового подчинения, с одной стороны, не характерны для разговорной речи или фольклора (сочетания типа *гуси-лебеди* имеют принципиально иной характер, нежели композиты типа *богозарьнь*) и отражают стремление древнего книжника, носителя языка элитарного круга, «повысить» ранг текста, с другой – имеют показательно ясный компонентный состав, благодаря которому содержание сложного религиозного понятия и становится доступным «пассивному потребителю».

При прагматическом походе к гапаксам безусловно релевантными оказываются композиты-гапаксы, которые не имеют прямых соответствий в греческих оригиналах. Такой тип славянских единиц интересен тем, что он демонстрирует так называемые персональные элементы (термин Е.М. Верещагина) переводящего текста, т.е. компоненты смысла и структуры, не определяемые оригиналом, а вносимые древним книжником непосредственно при переводе и отражающие в большинстве случаев коммуникативную стратегию переводчика-языкотворца – носителя элитарной языковой культуры.

А. Относительно произвольная перестройка структуры сложного слова: *нищелюбьць*, *страньноприимьць* (Евх.) при греч. φιλότιος, φιλόζεινος и славянских «правильных» кальках *любониць*, *любостраньнь* (Супр.).

Следует отметить, что гапаксы выстроены переводчиком с учетом продуктивности словообразовательного типа композитов с глагольным элементом люб (приим) ‘любить (предпочитать)’, когда объект любви, предпочтений фиксируется в структуре славянского сложного слова на первом месте, а глагольная основа располагается на втором; по этой же модели создается и гапакс *кратолюбьць* (Евх.) ‘миролюбивый человек’.

Б. Перевод с рецептивно немотивированной переменной информации:

а) *своЕплеменьникъ* при греч. συμφυλέτης (Супр.), где начальное *сѡм* является элементом сложных слов со значением совместности ‘вместе’, прямым же соответствием для греческого композита становится слав. *сѡплеменьникъ* с начальным *сѡ* (← *сѡм*) (Клоц.);

б) *сѡприсносУщьнь* (Евх.) при греч. ᾠδῖος, συναῖδῖος, προαιώνιος при устойчивых славянских эквивалентах *присныи*, *присносУщии*, *вѣчьныи*. Гапакс

съприсносУщнь именно через начальное съ в контексте *съприсносУщньоумоу. безврЪменьно. бесконечно... о<ть>цю и д<оу>хоу прБс<вА>тоумоу* (Евх.) актуализирует значение со-существования Бога-Отца и Бога-Духа Святого, что представляется принципиально важным при экспликации базового для христианства догмата о Троице. Следует отметить, что в греческом соответствии $\sigma\upsilon\nu\alpha\dot{\iota}\delta\iota\omicron\varsigma$ эта сема зафиксирована в начальном $\sigma\upsilon\nu$, в сложных словах означающем а) соучастие; б) распространение действия в одно время на все части к.-л. предмета» (Вейсман 1991), однако греческий композит двуслоven в отличие от трехкомпонентного славянского (при широком понимании композита). Вероятно, именно многоосновность славянского слова, непродуктивная в славянской словообразовательной системе, не позволила этому максимально показательному с точки зрения соотношения структуры и значения слову стать устойчивым термином для понятия вечности триединого Бога.

Таким образом, гапакс-термин *съприсносУщнь*, с одной стороны, отвечает требованию высокого ранга лексической единицы сакрального текста, создаваемого древним книжником, с другой – максимально прозрачен с точки зрения структуры, что обеспечивает его верное понимание «пассивным потребителем»;

В. Транспозиция славянских лексических единиц в структуре старославянского композита-гапакса: гапаксы *лихомыслити, лихосътворити* в контекстах со спорным словоделением: *сего. еже колиждо изг(лаго)лахъ. и лихосътворихъ. і лихомыслихъ* (Евх.) при *бУдУ азъ исповЪднь... моего лиха сътворениѦ* (Евх.). Интересна реализация в этих композитах семы 'плохой, дурной' при существующих композитах *лихотокъ* ('избыток, излишек') и *лихоядениѦ* ('неумеренность в еде, обжорство') (греч. $\upsilon\prime\pi\epsilon\rho\beta\omicron\lambda\eta$ и $\acute{\alpha}\delta\eta\phi\alpha\gamma\iota\alpha$ соответственно), эксплицирующих сему 'превышающий меру, излишний'. Имеющие разные индоевропейские источники, основы лихъ в композитных образованиях в старославянском языке в восприятии «пассивного потребителя» оказываются смежными в коннотативном отношении: превышение меры, излишек оценивается в христианском мировосприятии негативно.

3. Композит играет в древнерусском тексте особую роль: он расширяет смысл контекста, позволяя многосмысленное толкование. Именно такое многосмыслие актуально для гимнографии как жанра, активно продуцирующего композиты.

Так, например, поконтекстное сопоставление употреблений композитов с начальным *мног*- и вторым компонентом с основой *-бож-* в древнейших минеях XI вв. и в других церковно-книжных текстах (по материалам [Словарь древнерусского..., 1988]) также позволяет нам смоделировать теологические смыслы, выводимые на первый план в том или ином фрагменте.

Представление о политеистической системе воззрений в противовес христианству – монотеистической религии – создается, в частности, греческими композитами с $\lambda\omicron\upsilon\delta\epsilon\omicron$ и славянскими с *мъног*бож (мъногбожиЕ, мъногбожьныи, мъногбожьствьныи, мъногбожьствиЕ, мъногбожьство) и *мъног*безбож (мъногбезбожиЕ, мъногбезбожьныи). При этом участие

в формировании представления о политеизме, эксплицируемого сложным словом, в греческом источнике принимают следующие элементы когнитивной модели: *πολυ* ‘множество’ и *θεο* ‘бог’, в славянском – *мъног* ‘множество’, *бог* ‘бог’ и *без* ‘нет, отсутствие, отрицание’. А значит, понятие «политеизм» предполагает две обязательные составляющие – представление о множестве и представление о боге / божестве. Именно на славянской почве возникает композит, на первый взгляд также отражающий представления о множестве и боге / божестве, однако новый элемент *без* в структуре понятия влияет на восприятие (а значит, и определяет их семантику) всех составляющих.

Если в греческом языке лексемы с *θεο* понимаются как омонимичные, когда отражается представление о боге / божестве языческого мира и о Боге христианском (эти отношения развиваются как метонимические – долговременно и постепенно) см. [Вейсман 1991], то на славянской почве понятие/категория «Бог» (христианский), привнесенное извне, из иной культуры, отделяется от представления о богах, которых множество. Происходит это в структуре композита *многобезбожиЕ*, где представление о политеизме связано с отрицанием категории «Бог» (единосущный). В связи с этим нам представляется интересным реконструировать механизм формирования категории «политеизм» в славянском религиозном контексте.

Так, в структуре *πολυθεο* первый элемент интерпретируется как ‘много, многие; весьма, значительно’ [Вейсман 1991], второй – как ‘божество, Бог’ [Вейсман 1991], в калькированном древнеславянском образовании *многобож* семантика составляющих сходна (см. толкование славянского *много* – ‘в большом количестве; много, очень’ [Словарь древнерусского..., 1988] и *бог* – ‘бог’ [Словарь древнерусского..., 1988]). Мотивирующий контекст определяет единственно возможное прочтение начальных компонентов как ‘множество’ и ‘языческое божество’.

Интересны для интерпретации пространные контексты Путятиной Минеи, где, например, находим: Симоне дивьнии аплоемъ похвала. яко Образно блистаяА. прѣста бо концаА. прогоня мрака. и **многобожноуУ** лъсть. спсьными п̄сньми. и свѣтлоОбразьными оучении. и всА просвѣщая *Едино* славити *бжство*. въ *трѣхъ* ипостасьхъ. *нераздѣльно* и *нерасѣкаемо*. помолиСА дшамъ нашимъ спстса 45об.-46.

Сопряженность в пределах контекста единиц *многобожныи* – *лъсть* – *мракъ* – *прогони*, с одной стороны, и *божество* – *едино* – *просвѣщати* – *свѣтлообразьныи* – *оучениЕ* – *спасьныи* – *славити*, с другой, позволяет говорить о процессе формирования понятийной структуры слов *многобожныи* и *божество*. В композите основа *бож* изоморфна слову *бог* ‘языческое божество’, семантически связанному с представлениями о *мраке*, *лести* (искушении), необходимостью отказа от искушающего; в одноосновном *божество* (несмотря на аффиксальную его осложненность) отражено представление о христианском Боге, понятийный объем которого определяется здесь через знание неопита о единстве (единосущном – о том, что «нераздельно»

и «нерассекаемо», о единственно возможном), о свете (ср. формирование этой категории, описанное выше), об учении, спасении и славе.

Таким образом, в рамках широкого контекста показано столкновение кардинально противоположных как в понятийном, так и в оценочном отношении единиц (здесь – слов). Семантически важный компонент бож сложного слова многобожьныи оказывается в структуре понятия мѣнобожиЕ / политеизм противопоставлен составляющей иного понятия *Бог – единое божество*. Участвуют в этом противопоставлении и контекстные фрагменты много и един(о), мрак и свѣт, лѣсть и оучениЕ, прогонити и славити. При этом именно композит многобож(иЕ) оказывается наиболее точным в структурно-смысловом отношении средством отражения фреймовой структуры нового сложнейшего христианского понятия.

Интересен пример МСДРЯ – Свѣтъло посрамили Еси Елиньская слоужения и **многобожения безбожия** Мин. Новг. XII в., где в синтагме многобожения безбожия «столкнулись» два представления о боге – как божестве / божествах и как Боге / единосущном, к отрицанию которого и ведет многобожие; ссылка же на эллинскую культуру как источник многобожия не оставляет сомнений в понятийном объеме термина мѣнобожениЕ. Именно в этом контексте отразилась иная возможность обозначить ситуацию, равновеликую для неопита в оценочном отношении фрейму политеизм, как **безбожие**, где отсутствие / отрицание единственно существующего Бога христиан делает существование человека подверженным искушению и поглощенным мглой: ср. Быстротою *дхвною многобезбожноую лѣсть* Отгналь Еси Мин. 1096; Прогналь Еси *мьглоу многобезбожия божьствьнымь* проповѣданиЕмь Мин. 1096 [Срезневский 1989]; *всь огнь дховьнь бы(с) и бжтвенья ревностии исполнися многобезбожьную лѣсть* ако траву попали всю дързновениемь Пр 1383, 64г; *не бѣ бо николиже бесловесе оць ни сло(в) без духа та(к) оубо ество въ единствѣ тьмь многобезбожнаа лѣсти* погыбають Пал 1406, 24в [Словарь древнерусского..., 1988]. Компонент мѣног играет здесь иную роль: актуализирует значение ‘в значительной степени, весьма’, что вполне согласуется с его синкретичной семантикой в древности.

Не случайно И.И. Срезневский не дает греческих эквивалентов для таких композитов: они появились в результате калькирования сложных слов с комплексом *полудео*, а значит, стали итогом понятийного изменения единицы и потому кальками в полном смысле слова не являются. Калькированию подвергается понятие *политеизм* как представление об анти-христианстве (здесь – множестве сущностей), на славянской же почве он может быть представлен через отрицание единственно возможной сущности. Так, понятийно для христианина *множество* оказывается равновелико *отсутствию* – это *многобожие безбожия*. Догмат о единосущном, таким образом доказанный дважды, непререкаем.

Итак, древнейший славянский композит не является результатом «свертывания» словосочетания – он скорее «разворачивается» в славянском тексте

в единицу с синтагматическим строением плана содержания. С одной стороны, писанный Е.М. Верещагиным прием перевода экспликация предусматривает освоение на славянской почве греческого слова путем наращивания контекста с целью раскрытия, «развертки» христианского понятия, – в данном случае формально выраженной, эксплицированной, с другой – несомненна связь выбора структурных компонентов сложного слова и контекста, зависимость элементов композита и значения соответствующего одноосновного слова, а широко известные случаи перевода греческого слова славянским словосочетанием и наоборот говорят о сомнительности принципа «буквальности» перевода в древнеславянской системе. Таким образом, синтагматика плана содержания такой единицы проявляется во множественных связях ее состава с языковыми единицами разной структуры – от одноосновного слова до фразы. Именно такой процесс следующего за калькированием смыслового разложения слова (бесспорно, во многом потенциального), на наш взгляд, делает композит оптимальным языковым знаком для отражения сложного теологического понятия, вводимого в языковую картину мира славянина-неофита. Таким образом, композиты, будучи одним из продуктивных словообразовательных типов лексических единиц славяно-русского христианского текста, зачастую отражают в своей структуре концептуально важные для новой картины мира ситуации, сложное слово функционально становится значимым при формировании нового мировоззрения, так как оно постоянно соотносит содержание отдельного текста и слова в нем с контекстом религиозной картины мира в целом.

Литература

- Аверинцев С.С. (ред.), 1993, *Христианство: Энциклопедический словарь*, Москва: Большая Российская энциклопедия.
- Аванесов Р.И. (ред.), 1988/2000, *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*: в 10 т., Институт русского языка, т. 1–6, Москва: Русский язык.
- Вейсман А.Д., 1899/1991, *Греческо-русский словарь*, Москва: Греко-латинский Кабинет.
- Даль В., 1994, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва: Издательская группа Прогресс, Универс.
- Ильина книга. *Рукопись РГАДА, Тип. 131*. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько, 2005, Москва: Индрик.
- Новгородская служебная минея на май (Путьятина Минея). XI век: Текст, исследования, указатели*. Подг. В.А. Баранов, В.М. Марков, 2003, Ижевск: Издательский дом Удмуртский университет.
- Павлов В.М., 1985, *Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования*, Ленинград: Наука.

- Срезневский И.И., 1989, *Словарь древнерусского языка*, Москва: Книга.
- Степанов Ю.С., 2001, *Константы: Словарь русской культуры*, Москва: Академический Проект.
- Цейтлин Р.М., Вечерка Р., Благовая Э. (ред.), 1994, *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, Москва: Русский язык.
- Черных П.Я., 1993, *Историко-этимологический словарь русского языка*, Москва: Русский язык.